

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОДНОСТОРОННЕГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ КРИПКЕ*

Андрушкевич Александр Геннадьевич – младший научный сотрудник.
Томский научный центр
Сибирского отделения
Российской академии наук.
Российская Федерация,
634055, г. Томск,
пр. Академический, д. 10/4.
Сибирский государственный
медицинский университет.
Российская Федерация,
634050, г. Томск,
Московский тракт, д. 2;
e-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Данный текст представляет собой реплику на статью Е.В. Борисова «Прямое решение проблемы Крипке». В основании предложенного решения проблемы скептицизма относительно значения языкового выражения лежит представление о языке и речевой активности, ограниченное актом употребления. Подобный усеченный и односторонний вариант анализа языка представляет собой картину, где единственным субъектом, способным понимать значения слов, является непосредственно сам агент речи. Хотя данный подход частично позволяет разрешить скептическую проблему, она возникает вновь тогда, когда мы обращаем внимание не на агента речи, а на реципиента, на которого направлена речевая активность.

Ключевые слова: скептицизм относительно значения, речевая коммуникация, Крипке, значение

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR A ONE-SIDED SOLUTION TO KRIPKE'S PROBLEM

Alexander G. Andrushkevich – Junior Researcher.
Tomsk Scientific Center
of the Siberian Branch of the
Russian Academy of Science.
10/4 Akademicheskoy Ave.,
Tomsk 634055,
Russian Federation.
Siberian State Medical
University.
2 Moskovsky trakt, Tomsk
634050, Russian Federation;
e-mail: andryusha.fsf@gmail.com

This text is a replica of the article by E.V. Borisov *A Straight Solution to Kripke's problem*. The proposed solution to the problem of skepticism regarding the meaning of a linguistic expression is based on the idea of language and speech activity, limited to the act of use. Such a truncated and one-sided version of the analysis of language presents a picture where the only subject capable of understanding the meanings of words is the speech agent himself. Although this approach partially allows us to resolve the skeptical problem, it arises again when we pay attention not to the agent of speech, but to the recipient to whom speech activity is directed.

Keywords: meaning skepticism, speech communication, Kripke, meaning

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

В современной аналитической философии проблема следования правилу занимает особое место. По всей видимости, дело заключается в том, что различной степени радикальности скептические следствия из той ее формулировки, которая была предложена Крипке, оказываются недопустимыми для большинства сторонников реализма. Если сам Крипке, будучи своего рода «виновником» той затруднительной ситуации, в которой оказались философы, предложил вариант скептического решения, то уже последующие авторы предпринимают попытки расширить, дополнить вариант Крипке или предлагают собственные (подробный анализ существующих подходов приводится в монографии В.А. Ладова [Ладов, 2023]). Е.В. Борисов предпринимает попытку усилить предложенное Ладовым умеренное решение до прямого [Борисов, 2024].

В основе усиления, которое предлагает Е.В. Борисов, лежит позиция, согласно которой «речевой акт отличается от производства звуков или букв тем, что агент 1) наделяет свои слова значениями, 2) достоверно знает, какими значениями он наделяет свои слова» [Там же, с. 27]. Вероятно, именно в подобном определении содержательной специфики речи или речевой активности и заключается несостоятельность предложенного подхода. Дело в том, что, рассматривая речевую активность агента речи в ситуации некоторой изоляции от *других* участников коммуникации, мы, с одной стороны, занимаем удобную с точки зрения аргументации позицию. Но, с другой стороны, нет никаких иных оснований для подобного усечения сферы речевой коммуникации. Безусловно, приведенные Борисовым критерии следует рассматривать как неотъемлемые, но концептуально ограничивающие саму сущность речи и языка вообще. Речевой акт следует рассматривать с позиции его коммуникативной (или прагматической) значимости. Если агент при осуществлении речевого акта непосредственно и достоверно обладает знанием значений тех или иных языковых выражений, которые он использует, то при каких условиях собеседник или реципиент будет находиться в равных с агентом условиях? Якобсон в своей работе «Лингвистика и поэтика», приводя перечень функций речевой коммуникации, указывает также и на коммуникативную функцию [Якобсон, 1975]. Речевой акт, понятный одному лишь говорящему, в определенном смысле абсурден.

Попытка же приложить предложенное Е.В. Борисовым прямое решение на ситуацию реципиента оказывает скорее негативный эффект, так как утверждает скептицизм относительно значений. Более того, дополняя перечень особенностей, отличающих речевой акт от спонтанной акустической или символической активности, критериями, которые касались бы способности *понять* сообщение, Борисов играет на руку тотальному скептицизму. Представим, что определяющим для речевого акта является то, что агент (1) наделяет свои

слова значениями, (2) обладает достоверным знанием этих значений и (3) реципиент в состоянии понять значения, которыми агент наделил свои слова. Однако для реципиента речевая активность агента речи является именно тем самым эмпирическим фактом, и, следовательно, реципиент не имеет никакой возможности проверить, что при $68+57=125$ агент речи подразумевал сложение, а не квожение.

Почему это именно так? Да, по-прежнему деятельность участников речевой коммуникации не следует сводить к тому, что Борисов в своем тексте определяет как интроспекция₁ [Борисов, 2024]. Однако предложенный терминологический аппарат оказывается бесполезен тогда, когда речь идет не о знании значений агентом, а о знании значений реципиента. Джон может достоверно знать то, в каком значении он использует слово «гитара», но может ли *понять* это значение Пол? Вероятно, тут можно дать двоякую интерпретацию.

1. Наиболее очевиден вариант, когда Пол соотносит слово «гитара», употребленное Джоном, с собственным лингвистическим опытом. Однако этот тот случай, при котором скептик Крипке торжествует, ведь нет никаких оснований для утверждения, что предшествующий опыт Пола употребления слова «гитара» осуществлялся в значении гитара. В конечном итоге подобного рода подход перестраивается в порочную ретроспекцию, которая рано или поздно становится точкой зрения сообщества, подробно рассмотренной в монографии Суровцева и Ладова [Суровцев, Ладов, 2008].

2. Тем не менее можно предположить, что Пол соотносит значение слов Джона не с собственным опытом, а с тем значением, которое предполагает Джон (осуществляя интроспекцию₂). Однако если для агента речи скрыты намерения других субъектов, то это вынуждает нас ограничиться допущением того, что Пол лишь *догадывается* о том, в каком значении Джон употребляет те или иные языковые выражения. Безусловно, подобного рода догадки можно было бы развеять простым вопросом: «Прошу прощения, в каком значении вы используете данное слово?». Но тогда возникает тот же самый вопрос, только теперь место строящего догадки реципиента занимает Джон, который, соответственно, может предпринять попытку аналогичным образом удостовериться в том, что имеет в виду его собеседник. Подобного рода ситуация продуцирует не менее тотальный скептицизм, чем точка зрения сообщества, и в придачу обрекает любого рода коммуникацию на провал.

Вероятно, здесь можно было бы начать говорить о некоторой экстраспекции как о ситуации, противоположной всему вышесказанному, но апелляции к наблюдению за речевой активностью субъекта должны быть отвергнуты в соответствии с аргументацией Крипке [Kripke, 1982, p. 14].

Если бы в действительности состоялась беседа скептика Крипке и сторонника прямого решения, предлагаемого Борисовым, то,

вполне вероятно, скептик остался бы ею в высшей степени доволен. Задав свои вопросы и выслушав ответы сторонника прямого решения, скептик парировал бы всю аргументацию оппонента тем, что все тезисы касаются ситуации изоляции агента речи от других субъектов (или же ситуации монолога). Каким образом данная аргументация позволяет утверждать возможность понимания в ситуации, когда участником коммуникации являются двое или более субъектов? Безусловно, каждый из них будет обладать знанием значений, которыми он наделяет свои слова. Однако подобный ход мысли наталкивает на другой вопрос: могу ли я достоверно знать то, какими значениями наделяет свои слова мой собеседник? Основываясь на решении, которое предлагает Е.В. Борисов, ответ будет отрицательным. Таким образом мы приближаемся к ситуации коммуникации, в которой ее участники говорят на *индивидуальных языках*, в том смысле, что никто иной не может обладать знанием значений употребляемых слов [Айер, 2007, с. 102–103]. Если обязательным условием осуществления речевого акта является интроспекция₂, принципиально доступная одному лишь агенту речи, его язык с определенной степенью успеха можно определить как индивидуальный. Еще данный подход можно было бы свести к критикуемой Айером позиции протокольных языков Карнапа, где предлагаемую Борисовым интроспекцию₂ можно соотнести с физикалистскими взглядами Карнапа: «Под выражениями “думать”... здесь естественно подразумеваются физические процессы, происходящие в нервной системе S₁» [Карнап, 2006, с. 230].

Прямое решение Борисова оказывается бессильным разрешить ситуацию скептицизма относительно значения языкового выражения, если только нас не устраивает ситуация, при которой единственным, кто в состоянии понять слова агента речи, оказывается он сам. Действительно, нет ничего привлекательного в том, чтобы читать лекцию, предполагая, что в аудитории никто не поймет моих слов, давать обещание или озвучивать просьбу тогда, когда из двух участников коммуникации только говорящий обладает знанием значений употребляемых выражений. Безусловно, Е.В. Борисов прав в том, что «достоверное знание значений является не результатом интерпретации речевого поведения агента, а составной частью речевого акта» [Борисов, 2024, с. 31]. Однако не менее значимой его частью должно быть условие возможности *понимания* реципиентом слов агента. Можно ли определить критерий правильности понимания?

Предполагается, что это потенциально возможно. Так, к примеру, Петит утверждает прямую корреляцию между существующими правилами и склонностями поступать определенным образом, которые вызваны фактом существования данного правила [Petit, 1990, р. 10]. Определенным образом развитие взглядов Петита потенциально может привести к островку безопасности в море скептицизма,

где для ряда актов употребления слов существует объективный маркер, позволяющий удостовериться в значении того или иного языкового выражения¹.

Предложенное Ладовым доказательство существования речи по всем параметрам должно выступить определяющей и отправной точкой к преодолению скептицизма. Если дополнить сформулированное Борисовым расширение решения проблемы Крипке до такого состояния, когда оно будет в силах обосновать факт понимания значения языкового выражения не только самим агентом речи, но и рецепиентом, то философское сообщество обретет некоторый ориентир в борьбе со скептицизмом. Мы предполагаем, что упомянутое расширение прямого решения проблемы Крипке, скорее всего, будет содержать указание на некоторый объективный факт, в соответствии с которым при наиболее оптимистичных взглядах появится возможность маркировать следование тем или иным правилам как «верное/неверное» (или хотя бы некоторым правилам, в случае сдержанного оптимизма).

Список литературы

Айер, 2007 – Айер А. Может ли существовать индивидуальный язык? / Пер. Н.А. Тарабанова под ред. В.А. Суровцева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2007. № 1 (1). С. 102–111.

Андрушкевич, 2023 – Андрушкевич А.Г. Реальное следование конститутивным правилам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 5–10.

Борисов, 2024 – Борисов Е.В. Прямое решение проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 2. С. 23–32.

Карнап, 2006 – Карнап Р. О протокольных предложениях // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 7. № 1. С. 219–231.

Ладов, 2023 – Ладов В.А. Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 336 с.

Суровцев, Ладов, 2008 – Суровцев В.А., Ладов В.А. Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск: ТГУ, 2008. 134 с.

Якобсон, 1975 – Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» / Под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. М., 1975. С. 193–230.

¹ Первые соображения на этот счет представлены в [Андрушкевич, 2023].

References

Ayer, 2007 – Ayer A. “Mojet li sushestvovat’ individualniy yazik?” [Can There Be a Private Language?], *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2007, no. 1 (1), pp. 102–111. (Trans. into Russian)

Andrushkevich, 2023 – Andrushkevich, A.G. “Realnoe sledovanie konstitutivnym pravilam” [Realistic Following Constitutional Rules], *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2023, no. 76, pp. 5–10. (In Russian)

Borisov, 2024 – Borisov, E.V. “Pryamoe reshenie problemy Kripke” [A Straight Solution to Kripke’s problem], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2023, vol. 61, no. 2, pp. 23–32. (In Russian).

Carnap, 2006 – Carnap, R. “O protokol’niys predlojeniyakh” [About Protocol Sentence]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2006, vol. 7, no. 1, pp. 219–231. (Trans. into Russian)

Jakobson, 1975 – Jakobson, R. “Lingvistika i poetika” [Linguistics and Poetics], *Strukturalizm: “za” i “protiv”* [Structuralism: “for” and “against”]. Moscow, 1975, pp. 193–230. (In Russian)

Kripke, 1982 – Kripke, S. *Wittgenstein on Rules and Private Language. An Elementary Exposition*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982.

Ladov, 2023 – Ladov, V.A. *Illyuziya znacheniya* [The Illusion of Meaning]. Moscow: Kanon+, 2023. (In Russian)

Petit, 1990 – Petit, P. “The Reality of Rule-following”, *Mind*, January 1990, Vol. XCIX, no. 393, pp. 1–21.

Surovtsev, V.A., Ladov, V.A. *Vitgenshteyn i Kripke: sledovaniye pravilu. Skepticheskiy argument i tochka zreniya soobshchestva* [Wittgenstein and Kripke: Rule-Following. Skeptical Argument and Community’s Point of View]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2008. (In Russian)